

АФГАН: НЕЗАЖИВАЮЩИЕ РАНЫ РОССИИ

А.М. ВАСИЛЬЕВ

Академик РАН

Афганистан - горная страна, с которой Советский Туркестан граничит на юге... Британские империалисты сломали себе зубы, неоднократно пытаясь поработить свободолюбивый афганский народ.

*Географический справочник.
Москва, 1925 г.*

Ключевые слова: Афганистан, «Апрельская революция», ввод советских войск, Тараки, Х.Амин, Б.Кармаль

Афганская тема и сегодня остается актуальной: ведь США и их союзники «наступили на те же грабли», что и имперская Великобритания в XIX - начале XX вв., и Советский Союз в конце XX в. Полезные уроки истории остаются зачастую невостребованными.

ОБРАЗЦОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Со времени установления Советской власти в России и вплоть до революционного переворота в Кабуле 27 апреля 1978 г. советско-афганские отношения развивались удовлетворительно для обеих сторон.

Никита Хрущев и Николай Булганин посетили Кабул в декабре 1955 г. в ходе поездки в Индию и Индонезию. Визит оставил благоприятное впечатление. Королевский Афганистан по советской квалификации попал в «зону мира», и сотрудничество с ним стало расширяться.

Любое кабульское правительство было настроено враждебно к Великобритании и Пакистану, и это политически сближало СССР и Афганистан. Великобритания (до появления США - главный противник СССР на Ближнем и Среднем Востоке) трижды - и неудачно - вторгалась в Афганистан, пытаясь включить его в состав Британской империи. Она же отсела по «линии Дюранда»* зна-

* «Линия Дюранда» - граница между Афганистаном и Британской Индией, установленная англо-афганским договором 1893 г. Она была названа по имени секретаря по иностранным делам британской колониальной администрации в Индии М.Дюранда, заключившего в Кабуле этот договор с афганским эмиром Абдулрахман-ханом (прим. ред.).

Война в Афганистане до сегодняшнего дня отдается болью у живых людей и в исторической памяти народа. Автор обратился к этой теме в одной из глав своей книги «Россия на Ближнем и Среднем Востоке. От мессианства к прагматизму», опубликованной еще в 1993 г.

За прошедшие более чем два десятилетия вышла обширная литература по Афганистану: документы, мемуары, исследования. Это позволило уточнить многие факты и ряд оценок, касающихся тех событий. Основная авторская трактовка афганской трагедии СССР/России остается прежней, но новые материалы позволяют дать более взвешенную и полную картину. Речь пойдет, прежде всего, о периоде принятия решений, касающихся Афганистана, а не о ходе войны.

чительную часть территории расселения пуштунских племен, ставших ядром Афганистана. Сначала они были включены в Британскую Индию, а затем вошли в качестве Северо-Западной пограничной провинции в Пакистан.

Пуштунская проблема стала главной причиной враждебности кабульского правительства к Пакистану. Вхождение Пакистана в Багдадский пакт в сентябре 1955 г. решительно оттолкнуло от этой организации Афганистан, у которого и к Ирану исторически не было симпатий. В условиях глобального советско-американского соперничества ставка США на Пакистан и Иран подталкивала Афганистан к более тесным отношениям с СССР. В этом направлении воздействовала на Афганистан и китайская политика в 1960-е - 1970-е гг., враждебная СССР, основанная на широком сотрудничестве с Пакистаном на антииндийской, антисоветской, а следовательно, и антиафганской основе.

Общие позиции выражались в широком сотрудничестве Афганистана с СССР в военной области - от поставок советского вооружения различных видов до

подготовки афганских офицеров в СССР. В страну были направлены советские военные инструкторы.

В экономической области можно назвать добычу газа, сельскохозяйственные фермы в Джалалабаде, политехнический институт в Кабуле, авторемонтно-механический завод в Джангалаке, геологоразведочные работы, строительство электростанций. Едва ли не важнейшим вкладом было строительство полукольца дорог от советской границы в районе Кушки через Кандагар в Кабул и далее на север через перевал Саланг, где был пробит важный туннель на пути в Мазари-Шариф и вплоть до советской границы. Помимо экономического значения, эта дорога стала средством усиления политической централизации страны.

Советская помощь Афганистану в несколько десятков миллионов рублей в год была мизерной платой за эффективную нейтрализацию страны, за спокойную двухтысячекилометровую границу, за отсутствие на территории Афганистана каких-либо иностранных военных объектов, которые можно было бы исполь-

зовать против СССР. Одна лишь экономия за счет поддержания войск в Средней Азии на минимально необходимом уровне многократно перекрывала все расходы на сотрудничество с Афганистаном.

Демонстративное и реальное невмешательство СССР в афганские дела, деидеологизация отношений обеспечивали и доверие к СССР афганского руководства, и широко распространенные симпатии населения к русским, советским (*шуврави*).

Посетив несколько раз Афганистан в предреволюционные годы, имея встречи и беседы в посольстве СССР в Кабуле, а в Москве - в МИДе и в Международном отделе ЦК, автор категорически утверждает, что существовавшее положение дел, включая сам королевский режим Захир-шаха, полностью устраивало советское руководство и что никаких планов его замены не было.

РЕВОЛЮЦИЯ КАК СПУСКОВОЙ КРЮЧОК

История и внутреннее развитие Афганистана распорядились иначе.

Закостеневший средневековый королевский режим становился невыносимым бременем для зарождающегося среднего класса, буржуазии, торговцев, предпринимателей, интеллигенции, для афганских разночинцев. Он уже не мог адекватно реагировать на потребности в переменах. Требования провести реформы раздавались все громче. Стихийные бедствия и голод в начале 1970-х гг. расшатали режим, и он отреагировал в 1974 г. верхушечным переворотом родственника короля Мухаммеда Дауда, который провозгласил республику, оставив, по сути, все по-прежнему.

Власть была ослаблена переворотом. А в это время в обществе окрепла другая, крайняя по своему радикализму сила - марксистская Народно-демократическая партия Афганистана (НДПА). Чем больше запаздывали с реформами прежний режим или колониальные власти, тем больше влево склонялась активная часть оппозиции. Это явление стало распространенным: Эфиопия, Ливия, Ангола, Мозамбик, Южный Йемен... Афганистан тоже не стал исключением.

К левым, марксистским группировкам в Афганистане, как и в Эфиопии, примкнула значительная часть революционно настроенного офицерства. Потускневшая в других районах мира модель социализма советского образца для отсталого Афганистана сияла достаточно ярко - слишком разительный контраст с ним представляла советская Средняя Азия. Негативные стороны жизни среднеазиатских советских республик казались афганским марксистам второстепенными по сравнению с достижениями.

Народно-демократическая партия Афганистана была нелегально создана в Кабуле в январе 1965 г. Во главе ее стояли пуштуны Нур Мухаммед Тараки и Хафизулла Амин. В 1967 г. от НДПА откололась фракция во главе с таджиком Бабраком Кармалем, названная «Парчам» («Знамя»). Другая, численно бо́льшая часть партии, получила наименование «Хальк» («Народ»), по названию печатного органа НДПА. Это был раскол и на личной, и на этнической почве, но также из-за тактических разногласий. Большинство офицеров были хальковцами.

В июне 1977 г. обе фракции объединились в НДПА с целью ниспровержения режима президента Дауда. 27 апреля 1978 г. Дауд был свергнут в результате кровавого военного переворота, получившего официальное наименование «Великая апрельская революция». 29 апреля был сформирован Революционный совет из 35 членов. В первом правительстве Тараки, состав которого объявили 1 мая, было 11 членов «Халька», 10 - «Парчама». Кармаль стал заместителем премьера, а Амин - министром иностранных дел. Реальная власть была в руках Тараки, генерального секретаря НДПА, председателя Революционного совета, премьер-министра и командующего вооруженными силами. Отметим, что «из 21 члена нового правительства, созданного после 17 апреля, 10 учились в США и трое - в СССР»¹.

«ВОТ НЕ БЫЛО ПЕЧАЛИ...»

За переворотом не стоял Советский Союз. Это обвинение в адрес СССР не раздавалось из серьезных источников на Западе даже в разгар антисоветской про-

пагандистской кампании. В Межведомственном разведывательном меморандуме США от 28 сентября 1979 г. говорилось: «Мы не имеем убедительных свидетельств, подкрепляющих утверждение, что Советы стояли за переворотом, который привел к власти марксистов»². «Когда поэт и литератор Тараки побывал в 1965 г. в Москве на съезде писателей, - говорил специалист по истории Афганистана профессор Ю.В.Ганковский, - его никто на высоком уровне не принял. Лишь референт Международного отдела ЦК беседовал с ним и высказал убеждение, что Афганистан не готов к социалистической революции»³. Сейчас стало известно, что о планах переворота знала советская внешняя разведка и даже отговаривала от него руководство НДПА, но безуспешно.

Афганистан созрел для революции. Весь вопрос состоял в том, какой революции, какие силы совершили ее и какую программу собирались выполнять.

Новое правительство с наивным (может быть, преступно наивным) романтизмом, унаследованным от экстремистов из иранской партии Туде, продемонстрировало презрение к исламу и вызвало враждебность значительной части мусульманского духовенства в глубоко религиозной стране.

Автор этих строк, находившийся в этот период в Каире, все ждал сообщения о том, когда же Политбюро НДПА заложит мечеть и совершит по этому поводу коллективную молитву, но не дождался. Марксистам, взявшим власть в Афганистане, эта простейшая, пусть прагматичная, мысль не приходила в голову.

Афганские революционеры провозгласили амбициозные планы, включая земельную реформу, развитие образования и культуры, освобождение женщины, уменьшение налогов, начали кампанию против коррупции, кумовства, контрабанды и наркотиков. Они не учитывали, однако, социально-политические реалии и духовную и ментальную ориентацию афганского общества.

Аграрная реформа столкнулась с естественным сопротивлением не только землевладельцев, но и самих крестьян, психологически не подготовленных к новому социальному состоянию. Она не учла особенностей распределе-

ния земель и воды в различных районах, взаимоотношений помещиков и крестьян. Культурные и общеобразовательные мероприятия, изменение статуса женщин сталкивались с мусульманскими традициями. Борьба с контрабандой нарушила традиционное занятие пуштунских племен и вызвала их недовольство. Стремление навязать централизацию отталкивало и верхушку племен, и местных феодалов.

В книге «Тридцать лет на Старой площади» К.Н.Брутенц пишет: «Поддержав новый режим, СССР стал заложником сектантских, незрелых и неуравновешенных сил, которые был не в состоянии контролировать. Москва угодила в ловушку, вступив в игру, в которой приходится все время увеличивать ставки, не имея возможности ни направлять ее, ни, тем более, выиграть»⁴.

О.А.Гриневский в книге «Тайны советской дипломатии» пишет: «Громыко ворчал:

- Вот не было печали... Такой был хороший, послушный сосед - ну прямо Финляндия на Юге. Чего же ждать теперь от этих безумцев?

Зато партийные идеологи и международники Суслов и Пономарев быстро перестроились и стали рассматривать Афганистан как еще одну социалистическую - в близкой перспективе - страну. Он виделся им теперь второй Монголией, смело перешагивающей из феодализма прямо в социализм.

На первых порах энтузиастом строительства социализма в Афганистане оказался и начальник Первого главного управления КГБ СССР (советской внешней разведки) В.А.Крючков, хотя его шеф - председатель КГБ СССР Ю.В.Андропов - занимал сдержанную позицию»⁵.

В середине мая на совещании в ЦК по Афганистану произошла любопытная дискуссия. Подробности изложил и сам ее участник - Г.М.Корниенко:

«Хотя по всем меркам афганское общество было весьма далеко от социалистической стадии развития, людям, подобным Суслову, Афганистан виделся «второй Монголией», перепрыгивающей из феодализма в социализм... Мне вспоминается, как в ходе одного из совещаний в ЦК КПСС по Афганистану я, выразив сомнение по поводу концепции «второй Монголии» применительно к Афганистану, заметил, что интересам Советского Союза вполне отвечало бы, если бы Афганистан, дай

бог, стал для него своего рода азиатским вариантом нейтральной Финляндии. Это, как я считал, было бы максимально удобным вариантом и с точки зрения «проглатываемости» его Западом (на что достаточно прозрачно намекал нам З.Бжезинский, помощник президента США по делам национальной безопасности).

В связи с этим моим замечанием последовало недоуменное восклицание Пономарева: «Как можно уподоблять Афганистан Финляндии? Ведь Финляндия - это буржуазное государство». А на мой встречный недоуменный вопрос: «Неужели можно всерьез считать Афганистан созревшим для социализма?» - поторопился ответить Р.А.Ульяновский (правая рука Пономарева по странам «третьего мира»), который назидательно изрек: «Сейчас в мире нет такой страны, которая не созрела бы для социализма»⁶.

Советское руководство наблюдало за развитием событий в Афганистане со смешанным чувством. С одной стороны, с прежним режимом были отличные отношения. Но с другой, «лучшее - враг хорошего». Если целая страна «идет в руки» - почему же отказываться? Ведь королевский режим, в конце концов, был реакционным, коррумпированным, средневековым и даже «проимпериалистическим». К власти в соседней стране пришла братская марксистская партия. Социалистическое содружество в перспективе могло пополниться еще одним членом. Разве не показывал пример Монголии, как можно было миновать капитализм, прыгнуть в социализм и семимильными шагами двинуться к коммунизму?

«НЕ ПОТЕРЯТЬ АФГАНИСТАН»

5 декабря 1978 г. Тараки заключил в Москве 20-летний Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве с Советским Союзом, формализовав уже существовавшие отношения.

Поддержка вызвала большую вовлеченность: поднимались ставки, росло сопротивление, создавалась угроза возросшим ставкам, требовалась еще большая вовлеченность... Спираль закручивалась. Никто не решался сказать, что это движение надо остановить. Возрастала во-

енная помощь режиму. Все новые сотни, а потом тысячи военных советников отправлялись в афганскую армию. Новые и новые сотрудники КГБ появлялись в Афганистане, чтобы собирать информацию и сотрудничать с соответствующими афганскими органами. Шла помощь по линии партийных связей, организации органов пропаганды, печати, культурного строительства, экономики. Короче говоря, все советские структуры активно переносились в чужую страну, абсолютно не приспособленную к их восприятию. Уже была плата за все это, уже были жертвы среди советского персонала.

И Тараки, и Амин не раз обращались с просьбой о помощи, о посылке советских войск в Афганистан.

Но была еще грань, качественное различие даже между массированным присутствием советских советников во всех ипостасях и появлением боевых подразделений. Конечно, как и в любом нормальном государстве, предварительные мероприятия уже были проведены. В Средней Азии концентрировались советские войска и соответствующие транспортные средства. Это естественное дело военных: быть готовыми к неожиданностям, к любому развитию событий. Но что толкнуло советское руководство на авантюристическое политическое решение?

Ответ на этот вопрос, как представляется, комплексный и отнюдь не определяется и не ограничивается тем выводом, который содержится в постановлении Съезда народных депутатов СССР «О политической оценке решения о вводе советских войск в Афганистан в декабре 1979 г.» от 24 декабря 1989 г.: «Съезд народных депутатов СССР... считает, что это решение заслуживает морального и политического осуждения».

В сентябре 1978 г. глухая оппозиция режиму вылилась в вооруженные выступления, которые стали приобретать массовый характер. Их энергично поддерживал в сотрудничестве с США Пакистан, а затем и Китай, Саудовская Аравия, Иран, Египет, Кувейт. На территории Пакистана стали действовать лагеря для подготовки повстанцев. Тысячи человек дезертировали из афганской армии, многие с оружием в руках. Политическая и этничес-

кая база режима сузилась из-за вспыхнувшей борьбы внутри НДПА. В августе 1978 г. уже начались изгнания из органов власти парчамовцев, их аресты, пытки, расстрелы. Бабрак Кармаль был удален из Революционного совета и «сослан» послом в Чехословакию, потом лишен и этого поста. Он попросил политического убежища в Чехословакии.

В марте 1979 г. Хафизулла Амин стал премьер-министром и фактически возглавил министерство обороны. Он значительно усилил свои позиции, хотя Тараки по-прежнему сохранял другие важные посты. Борьба между ними достигнет кульминации к осени 1979 г., когда в стране сложится двоевластие. А пока «наверху» Афганистана делили посты и дворцы, в Герате 14 марта 1979 г. восстали несколько полков регулярной армии. Были убиты советские специалисты и члены их семей. После первого успокоительного разговора с Москвой Тараки на следующий день, 18 марта, уже просил ввести в Афганистан советские войска и «ударить по Герату», «спасти революцию».

17, 18 и 19 марта 1979 г. заседало Политбюро.

Лейтмотивом выступлений 17 марта звучало: «Мы ни в коем случае не можем потерять Афганистан». Всерьез обсуждался вопрос о необходимости ввода войск. «Нам надо сформировать свои воинские части, разработать положение о них и послать по особой команде», - говорил А.Н.Косыгин. «У нас разработано два варианта относительно военной акции», - заявлял Д.Ф.Устинов. А.П.Кириленко, «подводя итог» и перечисляя шаги, которые предстоит предпринять, сказал: «...Пятое. Я думаю, мы должны согласиться с предложением Устинова относительно помощи афганской армии в преодолении трудностей, с которыми она встретилась, силами наших воинских подразделений»⁷. Устинов уже отдал приказ привести в готовность воздушно-десантную дивизию и быстро подтягивать к границе войска.

На совещании в МИДе А.А.Громыко вдруг разоткровенничался: «Поймите одно: если сегодня мы оставим Афганистан, то завтра нам, может быть, придется защищать наши рубежи от мусульманских орд уже где-нибудь

в Таджикистане или Узбекистане»⁸. (Отметим, что Громыко не любил и не понимал мусульман, а фундаментализм считал «мракобесием».)

18 марта в воскресенье утром Андропов, Устинов и Громыко встретились на подмосковной даче в Заречье и откровенно обсудили все «за» и «против» ответственного решения. «Против» было слишком много. Возможно, они связались с Л.И.Брежневым, который в субботу и воскресенье отдыхал в охотничьем хозяйстве Завидово. Больной и осторожный генеральный секретарь, видимо, не поддерживал решительных шагов.

На состоявшемся затем заседании Политбюро лейтмотивом прозвучали уже другие слова Андропова: «Мы можем удержать революцию в Афганистане только с помощью своих штыков, а это совершенно недопустимо для нас. Мы не можем пойти на такой риск». Вмешательство в Афганистане отбросило бы назад все, что сделано для разрядки, отмечал Громыко. Устинов тоже выступил против ввода войск. А на следующем заседании 19 марта появился «сам» Брежнев и по бумажке зачитал, в частности, следующее: «...Не пристало нам *сейчас* (курсив *авт.*) втягиваться в эту войну»⁹. На следующий день Косыгин только повторил эту позицию прилетевшему в Москву Тараки. Афганскому лидеру организовали короткую встречу с больным Брежневым, и тот говорил ему те же слова.

Роковое решение было отложено, хотя словечко «сейчас» стоило бы запомнить.

В апреле на базе развернутой (на 11 страницах) записки Андропова, Громыко, Устинова и Пономарева было принято постановление Политбюро (№ П/149(XIV)), где подтверждалась позиция не водить войска. «Наше решение - воздержаться от удовлетворения просьбы руководства ДРА о переброске в Герат советских воинских частей, - говорилось в нем, - было совершенно правильным. Этой линии придерживаться и в случае новых антиправительственных выступлений, исключать возможности которых не приходится».

В записке содержался трезвый анализ афганской ситуации, раскрывались ошибки кабульских лидеров и перечислялись неиз-

бежные негативные последствия военного вмешательства¹⁰.

А пока что грызня в руководстве НДПА усиливалась, повстанцы расширяли свои действия. Советская реакция на события была простой: вы, афганские лидеры, должны помириться, жить дружно и действовать сообща. В Москве просто не знали, что делать.

В начале лета 1979 г. была создана Комиссия Политбюро по Афганистану формально во главе с Громыко. Ее членами стали Андропов, Устинов и Пономарев. Громыко, однако, старался держаться отстраненно от афганских дел.

«Не впутывайте меня в эти дела, - высказался он как-то в своем близком кругу. - Революция пожирает собственных детей. Эту закономерность вывели французы еще в XVIII в. И мешать этому бесполезно.

Поэтому председательские функции Андрей Андреевич исполнял чисто формально. А афганские дела творились келейно. Андропов - Устинов; Андропов - Пономарев. Громыко практически всегда соглашался со всем, что они решали. Потом это и утверждалось на заседании комиссии»¹¹.

В Кабул дважды летал Б.Н.Пономарев. Более двух месяцев сидел в Афганистане заместитель министра обороны генерал И.Г.Павловский.

12 сентября 1979 г. Тараки, возвращаясь в Кабул из поездки в Гавану, где он принял участие в VI Конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран, сделал остановку в Москве. Его тепло встречал Брежнев.

Когда Тараки вернулся в Кабул, период двоевластия заканчивался. Опираясь, прежде всего, на армию и органы безопасности, Амин резко усилил свое влияние. Попытки советского посла и представителей других ведомств «помирить» двух лидеров столкнулись с их увертками. Тараки фактически сдал своих четырех сторонников-министров, на отставке и аресте которых настаивал Амин, и трое из них укрылись в советском представительстве.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРИГОВОР

14 сентября Тараки пригласил по телефону в свою residen-

цию Амина. Опасаясь предательства, тот сначала отказался. Но Тараки сослался на присутствие в своем кабинете посла А.М.Пузанова и других советских представителей. Пузанов подтвердил это по телефону, фактически присоединившись к приглашению. В кабинете были представитель КГБ генерал-лейтенант Б.С.Иванов и главный военный советник генерал-лейтенант Л.П.Горелов, а также переводчик Д.Рюриков.

Амина во дворе встретил адъютант Тараки подполковник Тарун и направился впереди всех на второй этаж. За ним шли Амин и его личный охранник. Перед входом в кабинет Тараки стоявшая там охрана открыла огонь. Тарун был изрешечен пулями, охранник Амина ранен, а сам Амин успел убежать и уехать.

Кто организовал покушение? Сам Тараки? Нерешительный и «бесхребетный» президент вдруг пошел на крайние меры? Может быть. Его адъютант Тарун был личным другом Амина и как бы его агентом в окружении президента. Тараки, возможно, это знал и решил им пожертвовать?

Сам Амин организовал инсценировку покушения на себя через своих людей в охране Тараки? Может быть. Ведь он пропустил Таруна наверх, а сам шел, прикрытый телохранителем.

Решительные сторонники Тараки, которые знали, что им нечего терять, т.к. Амин уже отдал приказ их схватить? Они решили действовать через своих людей в охране президента? Тоже может быть.

Категорический ответ на все эти вопросы не будет дан никогда.

Конкретные последствия были предсказуемы. Армия по приказу Амина окружила резиденцию президента, его охрана не сопротивлялась, два его телохранителя сдались и исчезли навсегда, Тараки был лишен связи с внешним миром.

На следующий день собрался ЦК НДПА. Тараки «единодушно» был исключен из партии, снят со всех постов. Президентом стал Амин.

Советское руководство официально поздравило Амина с назначением. Но Брежнев обратился к нему с требованием сохранить жизнь Тараки. Однако через

несколько дней он был задушен, а семья заключена в тюрьму.

Обычные традиции восточной деспотии...

Потом советский посол Пузанов в афганском официальном документе был объявлен соучастником покушения на Амина и вынужден был отправиться в Москву, где и стал «просто пенсионером». Его заменил бывший секретарь татарского обкома и член ЦК КПСС Фикрат Ахметжанович Табеев, которому предстояло проработать на этом посту несколько лет.

До убийства самого Амина оставалось менее четырех месяцев.

Став неограниченным диктатором, Амин продолжал беспощадную чистку «парчамистов» и «халькистов» - сторонников Тараки в армии, органах безопасности, МВД, партии. Гражданская война продолжалась без особых успехов для той или иной стороны. Он чувствовал, что «советские товарищи» ему не доверяют и рвался нанести визит в Москву, чтобы убедить «товарища Брежнева» в своей полной лояльности СССР. В Москву продолжали идти все новые просьбы о присылке войск, и СССР все больше вползал в афганскую западню: в декабре прислали «мусульманский батальон» для «охраны» нового президента, батальон охраны на авиабазу Баграм.

А сам Амин (кстати, по совету «советских товарищей») стал налаживать понимание с Пакистаном, отказываясь от крайних националистических требований. Он пытался добиться увеличения экономической помощи США и снизить накал напряженности в отношениях с Вашингтоном. В некоторых вопросах он и его соратники сопротивлялись довольно бестактному вмешательству советских советников в афганские дела. Осуществлялись контакты с вождями племен, с влиятельными мусульманскими деятелями. Амин не знал, что таким образом он подкреплял растущее убеждение советского руководства в его «двуличии», «неискренности», мало того - в том, что он якобы был (или стал) прямым американским агентом. Кроме того, он когда-то учился в США и, значит, мог быть «завербован».

В протоколе заседания Политбюро от 31 октября 1979 г. говорилось:

«Совпосольству в Кабуле, Комитету госбезопасности СССР, Министерству обороны и Международному отделу ЦК КПСС изучать политику и практические действия Х.Амина и его окружения в отношении афганских интернационалистов, патриотов, а также кадров, прошедших обучение в Советском Союзе и социалистических странах; реакционного мусульманского духовенства и вождей племен; внешнеполитических связей Афганистана с Западом и в особенности с США, а также с КНР. При наличии фактов, свидетельствующих о начале поворота Х.Амина в антисоветском направлении, внести дополнительные предложения о мерах с нашей стороны»¹².

Политический приговор Амину в Москве был подписан. Но как его осуществить? Стали собирать в кулак оппозиционные Амину «здоровые силы в НДПА» из выживших парчамистов во главе с Бабраком Кармалем и отстраненных от власти халькистов. Работу в этом направлении интенсивно вел КГБ. Но реальных возможностей у этих оппозиционеров не было. Самого президента Афганистана решили ввести в заблуждение, пригласить в Москву, не назвав срока визита.

«МОЛЧИТ ИСТОРИЯ»

Для поддержки переворота Устинов, Андропов, Громыко согласились на необходимость ввода в Афганистан советских войск. Проблема состояла в том, что начальник Генштаба маршал Советского Союза Н.В.Огарков, его заместитель С.Ф.Ахромеев, заместитель министра обороны И.Г.Павловский были против, и они до конца и аргументированно отстаивали свою точку зрения. Но, в конце концов, политические решения принимало Политбюро, и они обязаны были подчиниться.

12 декабря 1979 г. на Политбюро было принято Постановление ЦК КПСС № 176/125. Оно звучало просто таинственно:

«Председательствовал тов. Л.И. Брежнев.

Присутствовали: Суслов М.А., Гришин В.В., Кириленко А.П., Пельше А.Я., Устинов Д.Ф., Черненко К.У., Андропов Ю.В., Громыко А.А., Тихонов Н.А., Пономарев Б.Н.

Постановление ЦК КПСС

№ 176/125 от 12/XII к положению в «А».

1. Одобрить соображения и мероприятия, изложенные тт. Андроповым Ю.В., Устиновым Д.Ф., Громыко А.А.

Разрешить им в ходе осуществления этих мероприятий вносить коррективы непринципиального характера.

Вопросы, требующие решения ЦК, своевременно вносить в Политбюро. Осуществление всех этих мероприятий возложить на тт. Андропова Ю.В., Устинова Д.Ф., Громыко А.А.

2. Поручить тт. Андропову Ю.В., Устинову Д.Ф., Громыко А.А. информировать Политбюро ЦК о ходе выполнения намеченных мероприятий.

Секретарь ЦК Л. Брежнев № 997 (1 л.)»¹³.

Постановление было написано от руки К.У.Черненко.

«Но вот что интересно, - сообщает Гриневский. - Как мне удалось выяснить, в обсуждении мероприятий, предложенных этой могущественной «тройкой», участвовали 22 человека, и ни один из них до сих пор не проговорился, что они обсуждали. Только много лет спустя помощник Генерального секретаря Александров рассказал мне под большим секретом, что эти мероприятия состояли из трех главных блоков:

- устранение Амина спецподразделениями КГБ, изложенное в самых общих чертах, без деталей; из доклада нельзя было понять, идет ли речь об аресте или об убийстве Амина;

- ввод советских войск в Афганистан для поддержки этой акции, на случай если в его защиту выступят верные Амину спецподразделения; после этого советские войска станут гарнизонами в крупных городах, высвободив афганскую армию для борьбы с повстанцами;

- пропагандистское обеспечение этих двух акций.

Просил Александрова опубликовать эти воспоминания, но он категорически отказался.

- Почему? - удивился я.

- Вы что - не понимаете? Меня же убьют!

Андрей Михайлович умер; поэтому я свободен от данного ему обещания не писать об этом при его жизни»¹⁴.

На том историческом заседании сам немощный Брежнев едва держался и немедленно покинул зал после принятия решения. Все

члены Политбюро поставили свои подписи, некоторые - постфактум. Подписи Косыгина нет. Он был болен и на заседании не присутствовал.

Добавим к оценке этого решения мнение Корниенко:

«Насколько мне потом удалось реконструировать развитие событий, мучительные размышления «тройки» над проблемой - вводить или не вводить войска - продолжались в течение октября, ноября и первой декады декабря. 10 декабря 1979 г. Устинов дал устное указание Генеральному штабу начать подготовку к десантированию воздушно-десантной дивизии и пяти дивизий военно-транспортной авиации, повысить готовность двух мотострелковых дивизий в Туркестанском военном округе и доукомплектовать до полного штата понтонно-мостовой полк без постановки перед ними конкретных задач.

Но окончательное политическое решение о вводе советских войск в Афганистан было принято во второй половине дня 12 декабря 1979 г. узкой группой советских руководителей: Брежневым, Сусловым, Андроповым, Устиновым и Громыко (упоминавшийся в некоторых публикациях Косыгин, по моим данным, не присутствовал - он в эти дни был в больнице). Начальник Генштаба Огарков просидел часа два в соседней комнате, его мнением не поинтересовались. Выйдя из комнаты, где шло обсуждение, Устинов сказал ему: «Решение принято. Поехали в Генштаб отдавать команды». Об этом мне рассказывал сам Огарков.

Таким образом, роковое решение приняли даже не полным составом Политбюро ЦК КПСС, хотя затем задним числом было оформлено рукописное постановление Политбюро, на котором расписались почти все его члены. Однако подпись Косыгина на нем так и не появилась. Я думаю, это тоже сыграло свою роль в решении Брежнева отделиться от него при первом подходящем случае.

Решающее значение для формального одобрения Брежневым предложений Устинова, Андропова и Громыко о вводе войск в Афганистан имел, я уверен, тот факт, что оно было поддержано М.А.Сусловым»¹⁵.

Узнаем ли мы когда-нибудь правду? Лучше всего на этот вопрос ответил бывший начальник советской внешней разведки Л.Н.Шебаршин:

«Секретных документов, освещающих процесс принятия реше-

ния о свержении Х.Амина, создания правительства во главе с Б.Кармалем и вводе советских войск в Афганистан, в КГБ не существует. По рассказам моих друзей, немногие документы исполнялись от руки, в единственном экземпляре и были уничтожены по личному распоряжению Ю.В.Андропова. Не знаю, чем руководствовался Юрий Владимирович. Историкам афганской военно-политической кампании придется довольствоваться самым ненадежным материалом - официальными документами и свидетельствами очевидцев.

Не обнаружено таких документов и в Министерстве обороны. Когда занимавшиеся их розыском доложили об этом новому министру обороны Д.Т.Язову, тот не поверил. Но это факт: даже в досье Совета обороны ничего не найдено, кроме просьбы Устинова решить вопрос об оплате ратного труда ограниченного контингента советских войск, вступивших в Афганистан.

Не думаю, что такие документы могли сохраниться и в МИДе. Потому что если они туда и попадали, то только для личного ознакомления Громыко, и тут же забирались обратно. Во всяком случае, Шеварднадзе пробовал разыскать их, но безрезультатно.

Молчит история, не дает ответа»¹⁶.

Генерал-лейтенант В.А.Кирпиченко, проработавший много лет во внешней разведке, позже писал: «После смены власти в Кабуле 27 декабря 1979 г. всем участникам этой операции было рекомендовано все забыть, а документы оперативного характера уничтожить. Ликвидировал и я свои служебные записи, где не только по дням и часам, но и по минутам было расписано, как развивались события в Афганистане в декабре 1979 г.»¹⁷

После 12 декабря события развивались стремительно. Они настолько подробно описаны в воспоминаниях их участников, что мы ограничимся здесь лишь самым схематичным изложением.

Были сформированы и переброшены в Кабул спецподразделения КГБ «Зенит» и «Гром» - всего около 100 человек. ГРУ собрал «мусульманский батальон» - 500 военнослужащих, в основном из жителей Средней Азии, одетых в афганскую военную форму. Он занял позиции якобы для «охраны» президента вокруг только что отстроенного на окраине Ка-

була дворца Амина - Тадж-Бек - вместе с президентской гвардией, насчитывавшей 2,5 тыс. человек. Внутри помещения несли охрану родственники и доверенные телохранители Амина. Рядом с дворцом располагались зенитный и стрелковый полки. В Кабуле были две пехотные дивизии и танковая бригада.

План военного переворота разрабатывался настолько секретно, что главный военный советник генерал-полковник С.К.Магометов узнал о нем лишь за несколько дней до начала операции, а посол - в день переворота. Соотношение советских и афганских сил в районе дворца было 1:15. Нужна была внезапность, координация при условии парализации всех афганских средств связи. В случае срыва операции советские военнослужащие были обречены.

Амин 23 декабря был проинформирован о намеченном вводе советских войск. Он выразил благодарность советскому руководству и отдал распоряжение генштабу вооруженных сил Афганистана оказывать содействие вводимым войскам.

В 12.00 25 декабря 1979 г. в войска поступило распоряжение, подписанное министром обороны Д.Ф.Устиновым, о переходе государственной границы в 15.00 25 декабря (время московское). Воздушно-десантные части в тот же день стали высаживаться на базе в Баграме. Сухопутные войска перешли пограничную реку. На следующий день и 27 декабря советские части «усилили» охрану важнейших объектов в столице.

В тот же день Амин устроил торжественный обед во дворце для членов Политбюро и министров с женами и торжественно произнес: «Советские дивизии уже идут сюда. Все идет прекрасно».

Вдруг сам Амин и его гости почувствовали себя плохо. Советский агент на президентской кухне подмешал в блюдо гостей

специальный состав, который должен был к вечеру вывести людей из строя. Этот состав действовал раньше времени. Президент потерял сознание и лежал в коме. Срочно вызвали ничего не подозревавших советских врачей, которые сделали все, чтобы привести в чувство главу «дружественного государства». Его удалось спасти... на несколько минут.

В четверть восьмого вечера раздался мощный взрыв на севере Кабула - это подгруппа КГБ из «Зенита» подорвала колодез связи, отключив столицу от внешнего мира и прервав связь афганских военных частей с командованием и между собой.

Начался штурм дворца, внутри которого была личная охрана президента. Она отчаянно сопротивлялась. Сюда ворвались спецподразделения КГБ, а «мусульманский» батальон обеспечил непроницаемое огневое кольцо вокруг объекта. В штурме участвовала и рота десантников.

Хафизиулла Амин был убит, его труп завернули в штору и вывезли. В ходе перестрелки случайно был убит малолетний сын Амина, а его дочь - ранена. Случайно погиб и один из советских врачей. Всего в спецгруппе КГБ непосредственно при штурме дворца погибло 5 человек, 17 было ранено. В «мусульманском батальоне» погибло 5 человек, ранено 35. У десантников погибло 9 человек, ранено - 35. Афганская сторона потеряла несколько сот убитыми. 1700 человек сдались.

Вечером того же дня Андропов связался с находившимся в связи в Баграме Бабраком Кармалем и поздравил его с назначением председателем Революционного совета ДРА.

Захват других ключевых объектов в столице прошел с минимальными потерями. Начальник штаба Якуб сдался, но был застрелен афганцами-парчамистами, участвовавшими в операции.

Власть сменилась. Освобож-

денные из тюрьмы Пули-Чархи политзаключенные стали занимать высшие посты в государстве.

На следующий день в «Правде» было опубликовано «Обращение к народу» Бабрака Кармалы: «После жестоких страданий и мучений наступил день свободы и возрождения всех братских народов Афганистана. Сегодня разбита машина пыток Амина и его приспешников - диких палачей, узурпаторов и убийц. Разрушены бастионы деспотизма, кровавой династии Амина и его сторонников - этих наемников мирового империализма во главе с американским империализмом»¹⁸.

Этот бой был выигран. Советские офицеры и бойцы провели блестящую операцию и выполнили свой солдатский долг. Они верили, что избавляют афганский народ от тирана и американского агента и рассчитывали скоро вернуться домой.

(Окончание следует)

¹ Брутенц К.Н. Тридцать лет на Старой площади. М., 1998, с. 453.

² Там же, с. 451.

³ Беседа с Ю.В.Ганковским, январь 1990 г.

⁴ Брутенц К.Н. Указ. соч., с. 453.

⁵ Гриневский О. Тайны советской дипломатии. М., 2000, с. 114.

⁶ Корниенко Г. Холодная война. Свидетельство ее участника. М., 2001, с. 372-373; Правда. 25.12.1989.

⁷ Брутенц К.Н. Указ. соч., с. 464.

⁸ Гриневский О. Указ. соч., с. 146.

⁹ Там же, с. 247.

¹⁰ Там же, с. 466-467.

¹¹ Там же, с. 273.

¹² Выписка из протокола № 172 заседания Политбюро ЦК КПСС от 31 октября 1979 года - <http://www.coldwar.ru/conflicts/afgan/sovposol.php>

¹³ Гриневский О. Указ. соч., с. 314.

¹⁴ Там же, с. 315.

¹⁵ Корниенко Г. Указ. соч., с. 381-382.

¹⁶ Там же, с. 330-331.

¹⁷ Киртиченко В.А. Разведка: лица и личности. М., 1998, с. 349.

¹⁸ Гриневский О. Указ. соч., с. 328.

Автору этой статьи, известному российскому ученому, публицисту и общественному деятелю, главному редактору журнала «Азия и Африка сегодня», директору Института Африки РАН, заведующему кафедрой арабистики и африканистики РУДН, академику РАН Алексею Михайловичу Васильеву недавно исполнилось 75 лет. Редколлегия, редакция и авторский актив журнала поздравляют его с юбилеем и желают ему крепкого здоровья, новых ярких и запоминающихся публикаций в печати, больших успехов в науке и в руководстве институтом - общепризнанным центром российской африканистики.